

Миллиа
с Губиной
и Радченко

Маргара Ушклина

12+

Марфа Ушкина
Миссия с другой планеты

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ушкина М.

Миссия с другой планеты / М. Ушкина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Обычно на другие планеты летают взрослые. А что будет, если туда отправят подростка? Конечно, он постарается выполнить возложенную на него исследовательскую миссию. Но, когда всё идёт не по плану, Кеше, отправленному на чужую планету, приходится нелегко. И тогда ему на помощь приходят новые друзья. Или же это Кеша помогает им? Для создания обложки использовано изображение с pixabay автора MabelAmber.

Содержание

1440 день 2003891 солнечного года	6
1441 день 2003891 солнечного года. Первый день на Трёшкапланте	7
1442 день 2003891 солнечного года. Второй день на Трёшкапланте	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

– А вы верите в летающие тарелки?

– Нет.

– А я, по-моему, верю. Мне, например, приятно было бы думать, что на нас смотрят какие-то существа высшего порядка, а вам?

– Надеюсь, что тот, кто на нас оттуда смотрит, обладает чувством юмора.

Айрис Мердок «Дитя слова»

1440 день 2003891 солнечного года

С этого дня я начинаю вести дневник, посвящённый моим исследованиям на Трёшкапланте.

Мне 13 лет и 10 из них меня готовили для полёта на Трёшкапланту, с целью обновления имеющейся информации об её обитателях. Вообще-то лететь на Трёшкапланту в лучшем случае я должен был бы через 15-20 лет. Но проверявший Исследовательский Центр Высокий Ум решил, что мы слишком давно не были на Трёшкапланте. Последние исследователи были на этой планете ровно 50 лет назад. 50 солнечных лет – это довольно маленький срок, обычно на Трёшкапланту исследователей отправляют с интервалом в 70 лет. На другие планеты исследователи вообще летают с периодичностью в 100, а то и в 120 лет.

И тут вдруг Высокий Ум решил, что срочно нужно лететь на Трёшкапланту. И выбор пал на меня. Выбрали меня не потому, что я был самым сообразительным и ответственным в учебной группе – у нас есть ребята намного сообразительнее и ответственнее меня. И не потому, что я самый умный и способный – мои знания по Трёшкапланте оценили как "очень средний уровень". И это при всех моих стараниях: я годами читал и перечитывал все учебники по Трёшкапланте, даже написанные 120 лет назад. К примеру, язык трёшкапланцев я знаю прилично, лучше меня его знают только исследователи, которые сами были на Трёшкапланте.

Но выбрали меня не из-за этого. Всё дело случая. Даже ошибки, и, причём, сделал эту ошибку не я. Много лет назад мне нечаянно вкололи двойную дозу иммуномодулятора. И если все в нашей группе должны стать похожими на трёшкапланцев к двадцати годам, то я вылитый трёшкапланец уже в 13. Раньше на это особо не обращали внимания. Нет, мама, конечно, была возмущена, что её сына изменили до неузнаваемости. Больше всего её расстраивали ставшие невероятно большими мои уши. Но папа сказал, что они (родители, а не уши), знали, на что идут, когда в три года отдали меня в Исследовательский Центр на подготовку к полётам на другие планеты.

Мне тоже сначала было непривычно с такой внешностью. Я чувствовал себя неуютно из-за того, что на улице на меня часто оборачиваются, настолько я выделяюсь среди своих. А потом привык. Иногда могу и подшутить – резко выскочить перед кем-нибудь и закричать: "Стоять! Я – трёшкапланец! Вы захвачены!" Правда, пугаются не все – многие не знают, кто такие трёшкапланцы, а те, кто и знает, не знают, как они выглядят.

И вот, благодаря моей внешности, я лечу на межпланетлёте, и меня уже завтра высадят на Трёшкапланте. Моя цель – проникнуть в Исследовательский Центр трёшкапланцев, изучить их поведение и постараться узнать как можно больше полезной информации о них. В Исследовательский Центр я должен проникнуть под видом трёшкапланца, который был похищен обитателями других планет и смог от них сбежать. Это должно вызвать интерес ко мне, и я смогу задержаться в Центре достаточно долго, что позволит мне наблюдать жизнь трёшкапланцев, не подвергая себя опасности.

Жить и обитать среди трёшкапланцев мне запрещено – не дорос ещё до самостоятельной жизни в открытой среде чужой планеты. А в Исследовательском Центре мои контакты с внешним миром будут сведены к минимуму. По заявлениям исследователей, побывавших на Трёшкапланте, каждую минуту на этой планете может подстеречь непредвиденная опасность.

1441 день 2003891 солнечного года. Первый день на Трёшкапланте

Меня наконец-то высадили на Трёшкапланте. На то же самое место, откуда 50 лет назад забрали предыдущих исследователей. Теперь я сам себе главный – рядом нет ни одного взрослого, который без конца говорил бы, что мне делать, и постоянно указывал на то, что я сделал не так. Отныне все ответственные решения я принимаю сам. Сам за себя отвечаю и сам в одиночку веду наблюдения на чужой планете.

Итак, первое, что меня поразило на Трёшкапланте – яркий солнечный свет. Я не мог открыть глаза, переживая, что ослепну и не смогу как следует осмотреть Трёшкапланту. Однако второе обстоятельство заставило меня забыть о первом. И это второе тоже было связано с солнцем – солнечные лучи буквально жарили меня. Теперь я понял, почему на меня надели неудобный многослойный костюм трёшкапланца – костюм должен защищать меня от пережаривания. Именно в такие костюмы были одеты наши исследователи, которые последними вернулись с Трёшкапланты.

Было настолько нестерпимо жарко, что я понял: нельзя стоять на месте, нужно идти вперёд и искать, где можно спрятаться от этих солнечных лучей, пронизывающих насквозь. Я огляделся и пошёл вперёд (по крайней мере, мне казалось, что та сторона, куда я иду, и есть "вперёд"). Я шёл медленно. Не потому что не торопился, а потому что не мог идти быстрее. До чего же у трёшкапланцев неудобные костюмы, и особенно обувь!

С трудом волоча ноги в огромной трёшкаплантской обуви, я шёл по бескрайнему полю, на котором ничего не росло. То здесь, то там валялись лишь остатки былой растительности. Наконец, я дошёл до длинной и пустынной дороги. Остановившись у края дороги, я стал ждать появления какого-нибудь трёшкапланца, чтобы узнать у него маршрут до Исследовательского Центра, где, наконец, смогу приступить к своим наблюдениям.

Вдали показалась машина. Чтобы трёшкапланцы наверняка заметили меня, я встал прямо посередине дороги.

Раздался визг и скрежет, и машина остановилась. Из неё вышел трёшкапланец, с огромными чёрными глазами на пол-лица. Он был выше меня – значит, это был взрослый трёшкапланец. Мне повезло, он должен знать, где находится Исследовательский Центр.

– Тычё офонарел? Тынакой поттачку сиганул? – такими были первые слова, которые я услышал на Трёшкапланте.

Я растерялся. Я не мог понять, на каком языке говорит трёшкапланец. Казалось, что я учил совсем другой язык. А может это трёшкаплантский китайский язык? Я по-китайски знаю пять слов и могу рисовать две крючковатые картинки. Или английский? Его я тоже почти знаю, по крайней мере, лучше, чем китайский.

Конкретный язык трёшкапланца я определить не смог, но нужно было как-то отвечать, и я решил использовать язык мимики и жестов. Я улыбнулся и помахал рукой, желая выразить своё дружелюбие и показать, что я "свой".

– Чего лыбишься? Размахался тут. Чё под машину, говорю, бросаешься? Жить надоело? – трёшкапланец одной рукой взялся за свои большие чёрные глаза и мгновенно отцепил их с лица. Под этими большими глазами оказались ещё одни, обычного маленького размера, как и у всех трёшкапланцев, нарисованных в наших учебниках.

Но главное было не это. Главное, что я услышал в речи трёшкапланца знакомые слова и смог определить язык – трёшкапланец говорил на великогомучем языке, который я столько лет учил, учил и учил. И я бодро ответил трёшкапланцу прямо по учебнику:

– Здравствуйте, товарищ!

– Хотя бы не немой, и то плюс. И как же тебя зовут, товарищ? – уже не так строго сказал трёшкапланец.

И я выдал текст, который заучивал в последние дни:

– Я не помню свою фамилию и своё имя. Я несколько дней находился среди обитателей другой планеты. Прошу вас доставить меня в Исследовательский Центр или показать мне туда дорогу, чтобы я всё рассказал её сотрудникам.

– Вон значит оно как. Ситуация усложняется, – сказал трёшкапланец и полез к себе в карман. Оттуда он достал маленький чёрный прямоугольник, потыкал в него пальцем и, приложив его себе к уху, начал говорить.

– В общем так. Я ехал по трассе и увидел у обочины странного подростка. Решил остановиться, вдруг ему помощь нужна или подвезти куда надо. Так оказалось, он не помнит, как его зовут! Конечно, спросил! Фамилию тоже не помнит. Мы находимся на второй автодороге, примерно на двенадцатом километре. Хорошо, побуду с ним до приезда экипажа.

Закончив говорить, трёшкапланец положил прямоугольник обратно в карман, достал большие чёрные глаза и снова прицепил их себе на лицо. Видимо, он заметил, с каким интересом я за ним наблюдаю.

– Что, очки мои понравились? – спросил трёшкапланец. – Хочешь, подарю? – стянув со своего лица то, что он назвал "очками", трёшкапланец протянул их мне.

Я с опаской смотрел на очки, а вдруг они могут нанести мне вред? В учебниках не было написано о том, можно ли нам ими пользоваться. Но я же исследователь. Я должен исследовать, порой даже рискуя своей жизнью. Решившись, я приделал очки на лицо, зацепив их за уши.

И вдруг яркий солнечный свет, который слепил мои глаза, стал не таким резким, всё вокруг словно потемнело и моим глазам стало легче смотреть на мир трёшкапланцев.

– Спасибо! – сказал я. Ещё на первых уроках по Трёшкапланте я хорошо усвоил, что "спасибо" и "пожалуйста" одни из самых важных слов для трёшкапланцев. И ещё к таким словам относятся "родина" и "партия".

– Ты бы малость разделся, – сказал трёшкапланец. – На дворе хоть и конец сентября, припекает как летом.

Но я не стал ничего снимать, мало ли, вдруг хуже станет, и я совсем изжарюсь без защитного костюма.

Больше ничего не сказав, трёшкапланец стал изучать проезжающие мимо машины. Молчал он до тех пор, пока около нас не остановилась машина с красными и синими прямоугольными фонариками на крыше. Я обрадовался, что остановилась именно эта машина, уж очень она была нарядной. Из машины вышел один трёшкапланец, правда, не такой нарядный, как его машина.

– Лейтенант Мокраплин. Вы звонили по поводу обнаруженного подростка? – спросил он, подойдя поближе к нам.

– Я, – согласился мой знакомый.

– Это вот он? – кивнул в мою сторону приехавший трёшкапланец.

– Ну, да, он, не я же.

Трёшкапланец-лейтенант посмотрел на меня изучающим взглядом и спросил:

– А почему он в солнечных очках, шапке-ушанке, пальто и валенках?

– А я откуда знаю? Очки я ему подарил, всё остальное на нём уже было, – судя по всему, моему знакомому трёшкапланцу не нравилось, когда ему задавали вопросы.

Трёшкапланец-лейтенант видимо это тоже понял и начал задавать вопросы мне:

– Фамилия? Имя?

– Не помню, – сказал я, как и положено. И повторил свой текст: – Я не помню свою фамилию и своё имя. Я несколько дней находился среди обитателей другой планеты. Прошу

вас доставить меня в Исследовательский Центр или показать мне туда дорогу, чтобы я всё рассказал её сотрудникам.

– Понятно, – сказал новенький трёшкапланец. – Значит, придётся ехать в отделение. Садись в машину.

Я с радостью полез в нарядную машину. Наверняка меня отвезут в Исследовательский Центр, и я начну выполнять свою миссию.

Здание Исследовательского Центра оказалось большим и серым. Пока мы выходили из машины и шли к зданию, я прочитал табличку, на которой было написано "Полиция". Я заволновался, что меня привезли не туда, и сколько бы я не вертел головой, таблички хоть как-то намекающей на то, что это именно Исследовательский Центр, я не увидел.

Меня провели в небольшую комнату с маленьким окошком. За столом сидел трёшкапланец, одетый точно так же, как и тот, что меня привёз. На стуле возле стены сидел ещё один трёшкапланец, но в другой одежде, чем-то похожей на мою. Тот, который сидел за столом задавал вопросы, а тот, что сидел возле стены, на них отвечал. Меня тоже посадили на один из стульев возле стены. Видимо, различия между трёшкапланцами делали по форме одежды: у кого правильная форма одежды, тот сидит за столом и вопросы задает, а тот, кто не додумался одеться в такой костюм, на эти самые вопросы отвечает.

В помещении было не жарко – солнечные лучи сюда почти не проникали, и я снял очки и шапку, положив их рядом с собой на стул.

– Так, Птахин, с тобой мы потом продолжим. Сиди, жди, – сказал трёшкапланец за столом, обращаясь к сидящему рядом со мной.

– А что мне ещё делать, как не сидеть и не ждать, гражданин начальник, – ответил мой сосед по стульям.

– Молча сиди и жди, – сказал сидящий за столом и, глядя на меня, спросил: – Фамилия? Имя?

– Не помню, – сказал я. – Гражданин начальник, мне нужно в Исследовательский Центр.

– Какой я тебе "гражданин начальник"?! Совсем уже малолетние шалопаи в конец обнаглели, – сердито сказал трёшкапланец за столом и начал что-то писать в своих бумагах.

Я подумал, что, наверно, это очень неприятно, когда какие-то шалопаи наглеют. И чего эти шалопаи именно в конец-то наглеют? Могли бы и в начало понаглеть или хотя бы в середине.

– Не успеют из яйца вылупиться, а уже себя чёрте кем воображают, – продолжал ворчать одетый в форму и, глянув на меня исподлобья, добавил: – Дядю Стёпу почитай.

– Начальник просит его почитать и уважать, – ткнул меня локтем в бок сосед по стульям.

Я тут же исправился.

– Уважаемый дядя Стёпа, – начал я как можно почтительнее. – Я был похищен обитателями другой планеты, и мне нужно рассказать об этом в Исследовательском Центре.

– Конечно! Я же дядя Стёпа, а ты с инопланетянами контактируешь, Птахин ангел, сошедший с небес, а твой папа снежный человек, – сказал дядя Стёпа, не поднимая головы от бумаг. – Как же о таком не рассказывать?

Я внимательно посмотрел на Птахина – нужно запомнить, как выглядят ангелы. И ещё я вспомнил, что у меня в учебнике было написано про трёшкапланцев, которые делают из хлипкого белого материала большие объёмные поделки. Делают это они, кажется, зимой, потому что дождь бывает осенью, роса утром, а зимой снег. А поделки эти называются снеговиком и снежной бабой. Но причём здесь мой папа?

– Почему вы назвали моего папу снеговиком? – спросил я.

– Что за снеговик? – на этот раз дядя Стёпа мельком глянул на меня.

– Вы моего папу снежным человеком назвали, – напомнил я.

– Ты шуток не понимаешь? Или терпение моё испытываешь? – строго посмотрел на меня дядя Стёпа.

– Понимаю, – поспешно сказал я. И в доказательство того, что отлично понимаю шутки, пошутил сам: – Мой папа снеговик, а моя мама снежная баба.

– Ага. А твоя тётя Снежная Королева, – сказал дядя Стёпа.

– Это тоже шутка? – на всякий случай уточнил я.

– А вот это мы и выясним, – сказал дядя Стёпа и потянулся к телефону на столе. Телефон – это такой аппарат, по которому трёшкапланцы разговаривают друг с другом, если им лень идти, чтобы что-то сказать другому.

– Алло, Маша, проверь по базе, нет ли в розыске подростка лет тринадцати, волосы короткие, светлые, глаза серые, особых примет нет, разве что лопухий, – сказал дядя Стёпа в телефон.

В этот момент Птахин опять ткнул меня в бок локтем.

– Давно в бегах?

– Я не в бегах, я был у обитателей других планет, – начал я, но сосед меня перебил.

– Ты эту лабуду им оставь, – мотнул он головой в сторону стола. – А мне можешь правду говорить – зуб даю, что не выдам, – сказал Птахин и улыбнулся. Судя по количеству зубов у него во рту, выдавал Птахин часто.

– Птахин! – окликнул его дядя Стёпа. – Не приставай к ребёнку.

– Всё, молчу, молчу, – ещё сильнее заулыбался Птахин.

Дверь открылась и в комнату вошла трёшкаплантка. В том, что это была трёшкаплантка, я не сомневался: она была в юбке и у неё были длинные волосы, всё как по учебнику.

– Вот, – протянула она дяде Стёпе какие-то бумаги и внимательно посмотрела на меня. – Думаю, это Нечаев. Ушёл из дома два дня назад, 23 сентября, и не вернулся.

– Так, так, так... – дядя Стёпа изучал бумаги. – Вот и отлично! Родителям сообщи.

Трёшкаплантка улыбнулась, ещё раз посмотрела на меня и ушла.

– Ну что, Нечаев Дмитрий Юрьевич, Снежная Королева вовсе тебе и не тётя. Сейчас позвонят твоей маме, и через полчаса она уже прибежит за тобой.

– Я не Нечаев Дмитрий Юрьевич, – сказал я.

– Откуда же ты знаешь, что ты не Нечаев? Ты же ничего не помнишь? – сощурил глаза дядя Стёпа.

– Знаю и всё. Мне в Исследовательский Центр надо.

– Вот придёт за тобой мамка и поведёт тебя хоть в центр, хоть на карусели, а захочешь, и в зоопарк сводит, – сказал дядя Стёпа. – А мы вернёмся к нашим баранам, то бишь к тебе, Птахин.

Птахин приосанился и приготовился отвечать про баранов. А я размышлял о том, как же мне попасть в Исследовательский Центр. На Трёшкапланте оказалось сложнее, чем я думал.

Прошло не так уж много времени (по крайней мере, я за это время ничего путного придумать не успел), как в кабинет не зашла, а ворвалась какая-то трёшкаплантка и набросилась на меня.

– А вот и мама подросла, – довольно сказал дядя Стёпа.

– Сынок, сынуля, живой!.. Здоровый!.. – обнимала меня трёшкаплантка. – Как же ты меня напугал!

– Вы являетесь матерью несовершеннолетнего Дмитрия Нечаева? – спросил её дядя Стёпа и, дождавшись утвердительных кивков от трёшкаплантки, продолжил: – Подойдите и распишитесь вот тут. И тут. И ещё тут, тут и тут. И вот здесь, здесь и здесь. Ага, теперь можете забирать своё чадо. И больше не теряйте!

– Спасибо вам огромное! – сказала трёшкаплантка и подхватила со стула мои очки и шапку. – Твоё?

Я машинально кивнул, не понимая, что делать. Всё шло совсем не так, как должно было идти.

– Я не Дмитрий Нечаев и это не моя мама, – сказал я дяде Стёпе – Почему вы мне не верите?

– Верю, – сказал дядя Стёпа. – А пока, Дима, иди со своей мамой.

И я пошёл. Мама так мама. Нужно приспособливаться к меняющимся условиям пребывания на Трёшкапланте. Потом что-нибудь придумаю.

Мама уже взялась за ручку двери, когда я вспомнил, что мне говорил Птахин.

– Подождите! – чуть ли не выкрикнул я. – Я же забыл оставить вам свою лебеду!

– Увидите же его! – выкрикнул в ответ дядя Стёпа.

"Наверно, опять какие-нибудь шалопаи обнаглели в конце самого конца", – только и успел подумать я, прежде чем мама дёрнула меня за руку, и я оказался по ту сторону двери.

На улице было темно и уже несильно жарко. Не так уж и плохо на Трёшкапланте, если не считать самих трёшкапланцев, которые своим неверием и непониманием срывают мои исследования.

– На, надень, – протянула мама мне шапку. Очки она спрятала к себе в сумку. – Откуда ты эту ужасную одежду-то взял?

– Оттуда, – махнул я куда-то рукой.

– А своя где?

– Там, – махнул я туда же.

– Понятно, – сказала мама. – Пошли на остановку, здесь недалеко.

И мы пошли. Моя мама была невысокой трёшкапланткой, с белыми, спускающимися чуть ниже плеч, волосами. Она была одета в мужскую одежду: на ней были синие обтягивающие брюки, синяя короткая куртка, ботинки, а в руках большая сумка. Так что если бы не длина волос, можно было бы подумать, что это трёшкапланец, а не трёшкаплантка.

И ещё моя мама оказалась очень многоговорящей трёшкапланткой. Она говорила так много слов и так быстро, что я почти ничего не мог понять, все слова сливались в один непонятный текст. Из всей её речи я уловил лишь отдельные фразы и слова, которые повторялись чаще других: "как ты мог", "места себе не находила", "с ума чуть не сошла", "не знаешь", "не думаешь", "не понимаешь", "тётя Таня".

Я был погружён в свои мысли, поэтому и не пытался вникнуть в то многообразие слов, которые говорила мама. Я думал о том, что мои исследования на грани провала. Я смотрел на высокие дома, бесконечно жужжащие машины, на спешащих и медленно идущих трёшкапланцев, на редкие деревья, на красивое тёмное небо. Шёл и смотрел, потом остановился и смотрел, пока мама не потянула меня за руку:

– Чего стоишь? Наш автобус, поехали.

И мы поехали. Я решил, что должен сказать этой трёшкаплантке правду и попытаться ещё раз добраться до Исследовательского Центра.

– Я не Дима, – сказал я громко, чтобы мама перестала извергать поток слов. И она перестала.

– Я не Нечаев Дмитрий Юрьевич, – повторил я. – Я был у обитателей других планет и мне нужно в Исследовательский Центр, чтобы всё им рассказать.

Мама смотрела на меня с очень круглыми глазами.

– Ах, вот ты как!.. В центр ему нужно! Я тут чуть с ума не схожу от беспокойства, а ему в центр нужно! Не в центр тебе нужно, а совесть тебе нужна! Совести у тебя нет! – закричала она. Наверно, громко, потому что даже трёшкапланцы, сидящие далеко от нас, начали оборачиваться и смотреть, у кого это там нет совести?

И я испугался. А вдруг именно в этом причина моих неудач? И всё дело в том, что, высаживая меня на Трёшкапланту, мне забыли выдать совесть? Отправили меня на Трёшкапланту без совести!.. А вдруг я умру? Вдруг без совести на Трёшкапланте вообще жить нельзя?

– А без совести жить можно? – тут же спросил я у мамы.

– Можно. На чужом горбу, паразитом, – ответила она.

Мне немного полегчало. По крайней мере, смерть в ближайшее мгновение мне не грозит. Нужно только выяснить, как паразиты выживают без совести.

– А ты знакома с какими-нибудь бессовестными паразитами? – как бы между прочим спросил я у мамы.

– Ещё бы! Вот у нас на работе Валька такая паразитка, как подходит время отчётов, то она болеет, то ей срочно куда-то нужно. А наш сосед Вася? Нигде не учится, не работает, целыми днями музыку на всю громкость включает, житья от него никакого нет!

Паразитов оказалось так много, что мама продолжила их перечислять даже тогда, когда мы вышли из автобуса и дружно куда-то зашагали.

– А Петрович с седьмого этажа? Как он своего мопса выгуливает? До двери нашей квартиры! Выходишь из дома, а там лужа. Разве у таких людей есть совесть? Самые настоящие бессовестные паразиты.

Я шёл и радовался, что всё-таки есть на Трёшкапланте люди без совести. Мне повезло, что мои соседи настоящие паразиты, будет у кого учиться жить.

Когда мы почти дошли до одного из высоченных и длинных домов, мама остановилась и взяла меня за руку.

– Дима, я хочу тебя попросить, чтобы ты больше никому не говорил, что тебя похищали инопланетяне и тебе нужно в какой-то там центр. Я и так много чего пережила после того, как ты ушёл из дома. Не хочу, чтобы на тебя тыкали пальцем и говорили, что ты совсем с ума сошёл.

Здесь я был вынужден согласиться с мамой. Конечно, любого сочтут сумасшедшим, если он, пообщавшись с инопланетянами, решит вернуться на Трёшкапланту, а не лететь на нормальную планету.

– И вообще, Дима, всё это твоё бегство напоминает поведение страуса, – продолжила мама. – Это не выход. От проблем нельзя убежать или зарыться головой в песок. Так ведь ещё и головой вместо песка в асфальт угодить можно. Глупая эта птица страус, подражать ей не стоит.

– А какая умная? – спросил я.

– Не знаю, ворона вроде бы, не зря же она до семидесяти лет живёт. А ты чего у меня-то спрашиваешь? Это же у тебя безлимитный интернет на сотовом, вот и посмотри, – сказала мама.

– Где у меня что? – я совсем не понял, что мама сказала. То есть про ворону понял, а дальше нет.

– Та-а-ак, – грозно сказала мама. – Где твой сотовый?

– Он должен у меня быть? – уточнил я.

– Конечно, твой сотовый должен быть у тебя! Хватит дурака валять! У меня свой сотовый, у тебя свой. У каждого человека есть свой сотовый!

Ну и дела! Мне не только совесть не выдали, но и сотовый забыли дать! И как я теперь должен жить на Трёшкапланте, без совести и без сотового?

– У меня нет сотового, – виновато опустил я голову.

– А у меня на новый сотовый нет денег! Пошли, чего встал? Я с тобой дома поговорю, ты мне всё расскажешь, где эти два дня ошивался.

Мама привела меня к себе домой. Ну, как бы мы пришли к нам домой. То есть это мама так думала. А я решил, что мне придётся побыть Димой Нечаевым. Конечно, временно, пока я что-нибудь не придумаю.

Мама зашла в квартиру и сняла обувь. Я тоже снял валенки, которыми успел сосчитать все камни на мостовой.

– Надень тапки, – мама сунула мне под ноги что-то непонятного цвета и формы. Я с опаской надел их.

Тапки!.. Вот это вещь! И почему наши исследователи не додумались 50 лет назад улететь отсюда в тапках? Может, трёшкапланцы их тогда ещё не придумали?

Тапки были такие удобные, что мне сразу захотелось в них топтать и топтать. И я потопал. Сначала я протопал в комнату, где стоял стол, стулья и много шкафов.

– Куда сразу на кухню? Иди руки мыть! – услышал я голос мамы.

Пришлось топтать в другую комнату. Здесь тоже были шкафы и длинный и очень мягкий стул. Мама увидела, что я сижу на нём и это ей тоже не понравилось.

– Чего расселся на диване в грязных штанах? Переоденься и руки помой!

Я пошёл в следующую комнату. В этой комнате тоже был шкаф, а ещё кровать и стол, на котором стояла небольшая чёрная прямоугольная доска.

– Чего стоишь? – мама следовала за мной. – Самостоятельно даже одежду из шкафа достать не можешь, – открыв дверцу шкафа, мама протянула мне вещи. – И не забудь помыть руки!

Оставшись один, я начал изучать одежду, которую мне дала мама. Штаны, футболка и трусы. На трусах было много разных надписей: "БОУ", "БЕЕР" и ещё какие-то непонятные слова.

В комнату снова заглянула мама.

– Ты до сих пор не переоделся? Дима, трусы надо надевать, а не читать! Ужин стынет. Надеюсь, ты руки уже помыл?

Я переоделся и пошёл искать место для мытья рук. Не исследованными в квартире оставались три двери. За первой дверью находилось приспособление для справления неотложных нужд, именуемое унитазом. За второй дверью меня поджидал кусок вселенского хаоса. Но я вовремя успел захлопнуть дверь, пока хаос не напал на меня. Мама тоже почувствовала неладное и крикнула:

– Не лезь в кладовку! Я там не прибиралась!

Тут я понял, что в мамы мне досталась бесстрашная трёшкаплантка, готовая ринуться в бой со всепоглощающим хаосом.

И только за третьей дверью я обнаружил приспособления для мытья рук – раковину и кран. Но я заметил, что хаос уже пытался и сюда ворваться – повсюду были его следы.

Выйдя из ванной, я наткнулся на ещё одну трёшкаплантку. Она висела на стене, сложив руки на коленях, и как-то косо смотрела на меня.

– Мама, кто это? – спросил я, разглядывая трёшкаплантку.

– Так это же самая известная красавица в мире – Мона Лиза да Винчи, её тётя Таня крестиком вышила, – сказала мама, вытирая руки об полотенце. – Дима, с тобой всё в порядке? Она здесь уже лет пять висит.

Трёшкапланцы не переставали меня удивлять. Мама спрашивала, всё ли со мной в порядке, и это после того, как я ей сказал, что я не её сын Дима, и что я побывал у инопланетян.

– Со мной всё в полном порядке. Только я почему-то многих вещей не помню, – решил я разговаривать так, чтобы мама меня понимала. И вспомнив, что мама хотела поговорить со мной и узнать, где я эти два дня ошивался, добавил: – Вот, например, я не помню, где был эти два дня. Помню только, что оказался в поле, а потом приехала полиция.

– Я догадалась, в чём дело! – воскликнула мама. – Тебя ударили по голове, и из-за этого ты потерял память. Ты не убежал из дома! После удара ты забыл, где живёшь и не мог вернуться домой. Бедненький мой, – притянула меня мама к себе и обняла меня за голову. – Ничего, ничего, всё будет хорошо! Ты обязательно всё вспомнишь! Ага? – улыбнулась мама, заглядывая мне в глаза.

– Ага, – ответил я. Придётся маскироваться под трёшкапланца с отшибленной памятью. Выдавать память, которой-то и не было, за потерянную – дело не сложное.

– Пошли же, наконец, ужинать и пить чай! – приобняла меня мама и повела на кухню.

Ужин и чай мне понравились – мама приготовила макароны по-корабельски и чай со сладкой размазнёй. Размазня называлась вареньем с родины Смо. Я не стал уточнять, кто такой Смо и где его родина, главное, варенье было вкусное.

После ужина и чая мама отправила меня в ванную купаться, потом уложила спать. И уже засыпая, я подумал о том, что ещё только утром радовался, что около меня нет взрослых, которые говорили бы мне, что и как делать. Я ошибался: взрослые найдутся везде и всегда найдут, чему учить и за что делать замечания.

1442 день 2003891 солнечного года. Второй день на Трёшкапланте

Проснувшись утром, я первым делом нажал на запястье левой руки и проверил биометр. Он еле светился тоненькой зелёной полоской. Если дела будут идти так же, как вчера, то по окончании моих исследований на Трёшкапланте, меня ждёт позорное изгнание из Исследовательского Центра. Побывать на Трёшкапланте и не раздобыть никакой полезной информации – это страшнее, чем работать в Центре и никогда никуда не летать. Надо срочно что-то с этим делать и как-то спасти положение.

В комнату заглянула мама.

– Проснулся? Вставай, в школу опоздаешь. И не забудь учебники в рюкзак сложить. Хотя дай-ка я сама сложу, ты сейчас провозишься, и мы точно опоздаем, – сказала мама и, открыв какую-то тетрадку на столе, начала складывать в рюкзак книги, сверяясь с этой тетрадкой.

– Всё, готово. Я тебе две запасные ручки положила. А ты чего до сих пор лежишь? Иди умываться!

Через полчаса, умытый, позавтракавший и одетый в то, что мама мне дала, я стоял на пороге.

– Раз уж свои почти что новые кроссовки ты умудрился где-то потерять, тебе придётся надеть ботинки, – мама достала из шкафа коричневые ботинки и поставила их возле моих ног.

– А можно я в тапках пойду? – потопал я, демонстрируя тапочки.

– Дима, я знаю, что ты не любишь эти ботинки, но сейчас не до шуток. Я иду с тобой в школу, переговорить с твоей классной руководительницей, а потом мне ещё надо на работу не опоздать. Так что надевай то, что имеешь, за не имением лучшего, и бегом в школу!

Я надел ботинки и мы побежали. Но бежали мы недолго – оказалось, что мама бегать не умеет, а я не знал, куда бежать.

Школа была точно такой же, как и на картинках в учебниках по Трёшкапланте. Точно так же к школе шли ученики и ученицы, только в отличие от картинок, ни у кого не было на шее красной повязки, а у девочек не было бантиков с косичками на всю голову.

А ещё возле школы росло высокое дерево, на котором висело много украшений в виде домиков. Я вспомнил, что такое нарядно украшенное дерево называется новогодней ёлкой – оно было нарисовано в учебнике как раз вместе со снеговиком и бабой.

Я смотрел по сторонам, стараясь не отставать от мамы. Сколько же здесь было трёшкапланцев! И моего возраста, и постарше, и помладше... Все были такими одинаковыми, но и такими разными одновременно.

– Дима, заходи в класс, а я с Ольгой Алексеевной переговорю, – сказала мама, пропуская меня в кабинет. – Ольга Алексеевна, можно вас на минуточку?

Учительница, высокая трёшкаплантка со строгим лицом и с туго стянутыми волосами на макушке, кивнула мне и вышла в коридор. А я оказался в классе один, без мамы, единственного хорошо знакомого мне существа на Трёшкапланте.

– О, Нечай, вернулся!..

– Не вернулся, а беглеца вернули в родные пенаты!..

– Побег из Шоушенко не удался!..

– Ха-ха-ха!..

Ребята в классе были весёлыми, чему-то радовались, смеялись.

– Дима, ты так и будешь стоять? Садись уже! – крикнула мне трёшкаплантка, сидящая на предпоследней парте среднего ряда. И я пошёл к ней.

– Ты хочешь, чтобы я сел рядом с тобой? – спросил я.

– Нет, я хочу, чтобы ты рядом со мной станцевал джигу. Да садись ты! – дёрнула она меня за рукав.

Я сел. В это время мимо прошла трёшкаплантка в очень коротком платье с очень длинными волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.